

Рамазанова Дария Байрамовна

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ: ЭКЭ. АКА

В статье рассматриваются термины родства "эке/эхе", "ака", употребляемые в алтайских языках, в структурном и семантическом аспектах, затрагиваются вопросы, связанные с особенностями их функционирования: переднерядная (тунгусо-маньчжурские, монгольские языки) и твердорядная (тюркские языки) огласовка, употребление как женского (в указанных двух группах) и мужского (в тюркских языках) термина, квалификационный характер в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, семантическая ограниченность в монгольских языках и др. Функционирование термина "ака" в мордва-каратаевском говоре западного (мишарского) диалекта татарского языка аналогично чувашскому и финно-угорским языкам, то есть он является женским термином, имеющим групповой характер, считается термином болгарского происхождения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 175-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**EQUIVALENCE SYSTEM OF "THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN"
AND GOSPEL PARABLE OF PRODIGAL SON**

Rad' El'za Anisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch in Sterlitamak)
elza_rad@mail.ru

The author considers the correlation between the invariant that contains genetic information about the conflict between fathers and sons and the variant, which structure due to the motive of "fathers – children" somehow includes the archetypal plot, tells that the old Russian plot is the interpretation of all-temporal theme and the unique deviation from biblical norm in a particular life situation, and explains the variability of the plot about the prodigal son by the coordinates of semantic space, "laid down" in the structure of the invariant.

Key words and phrases: plot-archetype; dialogue with myth; motive; transformation; equivalence.

УДК 811.512.145'28

Филологические науки

В статье рассматриваются термины родства «эке/эхе», «ака», употребляемые в алтайских языках, в структурном и семантическом аспектах, затрагиваются вопросы, связанные с особенностями их функционирования: переднерядная (тунгусо-маньчжурские, монгольские языки) и твердоядная (тюркские языки) огласовка, употребление как женского (в указанных двух группах) и мужского (в тюркских языках) термина, квалификационный характер в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, семантическая ограниченность в монгольских языках и др. Функционирование термина «ака» в мордва-каратаевском говоре западного (мишарского) диалекта татарского языка аналогично чувашскому и финно-угорским языкам, то есть он является женским термином, имеющим групповой характер, считается термином болгарского происхождения.

Ключевые слова и фразы: термины родства; алтайские языки; татарские говоры; квалификационный термин; сингармонические параллели.

Рамазанова Дария Байрамовна, д. филол. н., проф.
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
m.r.bulatova@mail.ru

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ: ЭКЭ... АКА[©]

Под названием алтайские имеется в виду алтайская группа в составе языков монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и корейского. Исследуя лексику названных групп языков в сопоставлении, становится возможным выявить общую для всех их слов или корней, которые можно рассматривать как составляющие основной словарный фонд праалтайского языка. Обзор таких словарных данных можно провести особенно по таким тематическим разрядам лексики, как названия частей тела животных и людей, лексика, связанная с флорой и фауной, наименования жилища и его частей, упряжи и других средств движения, глаголы и т.п.

Как известно, попытка реконструкции алтайских слов давно занимала умы лингвистов. Естественно, при этом должны быть привлечены фонетические, морфологические закономерности внутрилингвистического развития языка и экстралингвистические, т.е. внешние причины, сыгравшие ту или иную роль в этническом формировании носителей.

Одной из устойчивых, сохраняющей в себе древние, реликтные, особенности считается система терминов родства. Хотя в ностратическом словаре термины кровного родства не представлены [2]. Между тем концептуальная наполненность терминов родства ставит перед учеными ряд вопросов, связанных с формированием терминов в семантическом плане. Кстати, необходимо отметить, что во многих языках термины родства, выражающие сестер и братьев как по прямой, так и по боковым линиям, имеют классификаторский характер, то есть полифункциональны [6, т. II, с. 161, 172]. Многоязычность возникает и в ходе унифицирования терминов. Л. Г. Попова указывает, что в немецком языке индивидуальные термины свойственного родства «стали заменяться одним названием и для зятя, и для шурина, и для деверя» [5, с. 192-193]. Как известно, термины родства по браку в алтайских языках представляют собой описательные наименования, один из компонентов которых выражает идею свойственного родства, а второй – соответствующего родственника. Такая система, как нам представляется, также способствует устойчивости терминов родства по браку, на что обратили внимание Э. Н. Денмухаметова и А. Ш. Юсупова [1, с. 63].

В данной статье будут рассмотрены термины кровного родства *экэ/эге... ака/ага*. Алтайские термины родства исследованы В. И. Цинциус [13, с. 15-70], отражены также и в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских

языков» [10], термины родства в тюркских языках рассмотрены Л. А. Покровской [4, с. 20-30], в татарском языке – Д. Б. Рамазановой [6]. Как указывают данные названных работ, термины *эке/... ака* представлены во всех алтайских языках.

Лексемы с корнем *экэ* в письменно-монгольском и калмыкском языках выступают в *к*-варианте, тогда как для монгольского, бурятского языков характерен спирантизованный вариант *эх* и др. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что последние были подвергнуты влиянию тюркского языка чувашоидного типа [9, с. 54; 11, с. 17].

Изучение материала по семантике данного термина в монгольских языках, приведенного В. И. Цинциус, показывает, что лексема с корнем *-экэ-* в основном однозначна, семантика ограничена: ‘мать’. Другие значения – ‘теща’, ‘свекровь’, ‘мачеха’ и др. слово *экэ* приобретает лишь благодаря атрибуции (например, монг. *эх* ‘мать’, *хадам эх* ‘свекровь’ и т.п.) либо деривации (*эхенер* ‘женщина’, *эхнергуй* ‘холостая’ и т.д.). [13, с. 30].

По данным «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков», значения классификационного термина кровного родства *экэ* составляют следующую картину: эвенкийский язык – *экин*, удэйский – *эхи (н)* – 1) ‘родная старшая сестра’, 2) ‘младшая сестра отца или матери’; солонский *эхи* – 1) ‘родная старшая сестра’, 2) ‘взрослый’; эвенский *экэ* – 1) ‘родная старшая сестра’, 2) ‘тетя’, ‘родственница, старше возрастом’; ороцкий *эгэ* – 1) ‘родная старшая сестра’, 2) ‘сноха (жена старшего брата)’; удейский *эхэ* – ‘форма обращения к родной старшей сестре или родственнице, старше возрастом’; ульчский, нанайский *эгэ* – ‘родная старшая сестра’, орокский *эгэ* – 1) ‘родная старшая сестра’, 2) ‘родной старший брат’, 3) ‘тетя’; маньчжурский *эжун* – ‘родная старшая сестра’.

Таким образом, термин кровного родства *экэ/эгэ...* обозначает в основном старшую сестру, кроме того, он выражает широкий круг родственниц старше возрастом, мать, жену старшего брата говорящего (т.е. представительницу родства по браку), родного старшего брата, т.е. данный термин в тунгусо-маньчжурских языках хотя в основном является женским термином, в то же время проявляет себя и как мужской термин.

Тем самым для термина *экэ/эгэ/...* присущ широкий круг значений. Он отражает такой период развития родства, когда индивидуализация членов племени по полу еще не завершилась и когда не до конца различались представители кровного и свойственного родства. Все это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что рассматриваемый термин в монгольских языках, возможно, является заимствованием, тогда как для тунгусо-маньчжурских – исконным, о чем свидетельствует классификационный характер термина *экэ/эгэ...*

Нельзя забывать высказывание В. И. Цинциус: «...языковые подгруппы (*имеются в виду тунгусо-маньчжурские, тюркские, монгольские* – Д. Р.) алтайской общности располагают своим набором терминов родства» [13, с. 16], которое подтверждается и вышеуказанными материалами.

Рассматриваемые 3 группы языков несколько отличаются семантикой некоторых дериватов. Так, например, наличием лексем *игэч* (тат.), *агас* (якут.), *эгч* (монг.) монгольские языки проявляют общность с тюркскими.

Таким образом, термин *экэ/эгэ/...* и в тунгусо-маньчжурских, и в монгольских языках является в основном женским термином, тогда как в тюркских языках данный термин употребляется по отношению к мужчинам [4, с. 25; 6, с. 54-57]. Нужно подчеркнуть также и системную переднерядную (в тюркских языках – твердоядную) огласовку в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Употребление определенных терминов кровного родства (*ана* ‘мать’ – энэй, эни; *эбэй/эби* – бабушка и т.п.) в переднерядном варианте наблюдается и в татарском языке. Ученые склонны рассматривать их как результат влияния языков другой – в данном случае финно-угорской – системы. В тюркологии отсутствуют специальные исследования о закономерностях и т.д. сингармонических вариантов, часто их отсылают друг на друга. Так, В. И. Цинциус сопоставляет *-эке/эге/-эхе* с чувашскими *ака, акка*, также имеющими большой круг значений, являющимися также женским термином, т.е. семантически являющимися весьма близкими к *эке/эге*. Как и Л. А. Покровская, В. И. Цинциус обращает внимание на отличие чувашских *ака/акка* от *ага/ака* ‘старший брат и т.п.’ других тюркских языков именно по противоположному по полу значению. Л. А. Покровская пишет, что «такое семантическое расхождение термина *ага/ака* в чувашском языке с другими тюркскими языками объяснить пока очень трудно» [4, с. 35].

Термин *ака* как женский бытует и в говоре мордвы-каратаев западного (мишарского) диалекта татарского языка (мордва-каратаи – отореченная группа мокша-мордвы), в родственной терминологии которых сохранились мордовские термины родства, также выделяется группа тюркских терминов в противоположном по полу значении и др. [6, с. 131-145]. Так, в говоре мордвы-каратаев *ака* ‘старшая сестра’, *акай* ‘форма обращения к ней’. Данный термин имеет групповой характер. Как форма обращения он употребляется по отношению к старшей сестре отца и матери, к старшей сестре моего мужа или моей жены и т.д., т.е. бытует в обеих группах терминов родства – и кровного, и свойственного. В мокша-мордовском языке известно *ака* ‘старшая сестра’, ‘тетка’; *акай* ‘форма обращения’.

На основе данного термина образован другой – описательный термин, связанный с поколением бабушек: *учакай* ‘старшая сестра матери’, ‘младшая (иногда и старшая) сестра бабушки’; восходит к сочетанию *уч* (< мокш. *оцю* – большой, крупный) + *акай*, т.е. досл. большая сестра, удм. *ачка* ‘старшая золовка’ [7, с. 154].

Таким образом, в говоре мордвы-каратаев в образовании терминов, обозначающих родных сестер и братьев родителей, действует также общеизвестная модель (*большой* + *мать* или *отец*), которая, однако, имеет несколько иную закономерность: в основе такого описательного термина лежит не слово *мать*, а слово *сестра*. Ср., например: *картанай/...*, *дэу эни...* в татарском языке.

Особо следует сказать, что в лямбирском говоре мишарского диалекта бытует слово *уз'акай/узакай*, служащее формой обращения к старшей сестре отца, старшей или младшей сестре матери, близкой родственнице по крови или по браку, к любой женщине старше себя. На наш взгляд, оно восходит к *учакай*.

Термин *ака* рассматривается в финно-угроведении как болгарское заимствование.

Необходимо отметить, что вариант *ака* распространен во многих восточнотюркских языках: алт., узб., уйг., хак. *ака*; кирг. *аке*; каз. *экэ/экей* и т.д. В большинстве тюркских языков этот термин употребляется в значении 'старший брат', иными словами, выступает как мужской термин, тогда как в чувашском языке, как и в говоре мордвы-каратаев, термин *акка* обозначает группу старших родственников, т.е. выступает как женский термин. Аналогичная функция его наблюдается и в удмуртском, марийском языках: *ака* 'старшая сестра', 'младшая тетка по матери', по М. Р. Федотову, у горных марийцев *ака* 'старшая сестра', 'сестра матери', 'младшая сестра отца', *аки* 'форма обращения к ним', 'форма обращения к незамужней женщине старше себя'; у горных марийцев известен термин *оняка* 'старшая сестра мужа', 'старшая сестра жены', где *он* – глава + *ака* [12, т. I, с. 31].

В татарской терминологии родства зафиксированы и некоторые другие аналоги, когда один и тот же термин употребляется в противоположных значениях. Так, например, общетюркский термин *ана* с основным значением 'старшая сестра' или 'мать' в отдельных говорах татарского (например, в мамадышском), башкирского языков, карачаево-балкарском (*анна* – дед) известен как мужской термин. Термин *сеңел*, характерный для кыпчакских, уйгурского, узбекского и др. языков в значении 'младшая сестра', в языке чулымских тюрков обозначает 'брата моего мужа, моложе меня', 'сына старшего брата моего мужа' [4, с. 32-33]. Приведенные факты позволяют предположить, что противоположное значение терминов родства может быть объяснимым в связи с различными (экстралингвистическими?) факторами и наблюдается в говорах, сформировавшихся при активном взаимодействии с неродственными языками или в условиях этнического смешения, приводящего к смене языка, субстратным или адстратным процессам и т.д.

Э. В. Севортян основу *ака* считает гомогенным с *ага*, хотя полностью не объединяет их. Он полагает, что глухой срединный согласный -к- (или -кк-) говорит о большей древности слова *ака* по сравнению с *ага*. Любопытно, что слово *ага* известно только как мужской термин, тогда как *ака* имеет и женские значения. Данный второй момент, как считает Э. В. Севортян, также свидетельствует о большей древности *ака*, нежели *ага* [8, с. 70]. В пользу этого мнения говорят и материалы, извлеченные из словарного состава языков американских индейцев: *акан* – дядя по матери [3, с. 34]. Но в то же время *ваге* – дядя по отцу [Там же, с. 44].

Считается, что термины родства, имеющие и женские, и мужские значения, отражают систему кровного родства, сложившегося на ранних ступенях родоплеменных отношений, до формирования семейно-родственных отношений; отсутствие у терминов кровного родства женских значений (напр., у терминов *ата*, *баба*) позволяет отнести их к более позднему времени, т.е. к эпохе, когда господствующими стали отношения патриархата [8, с. 56]. Естественно, с этой точки зрения термин *ака* в говоре мордвы-каратаев представляет большой интерес. Как указано выше, четко вырисовывается его ареал распространения: говор мордвы-каратаев, соседние удмуртский и чувашский языки, сарыг-югурский и монгольский языки и енисейские рунические надписи [Там же, с. 121-122]; в индоевропейских языках *акка* – мать [8].

Таковы некоторые наблюдения о семантике термина родства *эке... ака* в алтайских языках.

Список литературы

1. Денмухаметова Э. Н., Юсупова А. Ш. Термины родства в двуязычных словарях татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 62-65.
2. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения нострагических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). М.: Наука, 1971. Т. I. 370 с.; М., 1976. Т. II. 156 с.; М., 1984. Т. III. 135 с.
3. Каримуллин А. Г. Прототюрки и индейцы Америки по следам одной гипотезы. М.: Инсан, 1995. 80 с.
4. Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 11-81.
5. Попова Л. Г. Братья, сестры мои... (сопоставительная характеристика номинаций сестры и брата в русском и немецком языках) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 7 (38). С. 192-194.
6. Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке: в 2 кн. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.
7. Русско-удмуртский словарь. Ижевск: Удгиз, 1942. 408 с.
8. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
9. Серебрянников Б. А., Харькова С. С. О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков // Советская тюркология. 1983. № 5. С. 46-56.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1975. Т. I. А-Ц. 672 с.; Т. II. 992 с.
11. Туймебаев Жансент Кансентович. Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских параллелей: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Астана, 2008. 56 с.
12. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары: Чув. гос. ин-т гуман. наук, 1996. Т. I. 471 с.; Т. II. 510 с.
13. Цинциус В. И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972.

KINSHIP TERMS IN THE ALTAIC LANGUAGES: ЭКЭ... АКА

Ramzanova Dariya Bairamovna, Doctor in Philology, Professor

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
m.r.bulatova@mail.ru

The author considers the kinship terms “эке/эхе”, “ака”, which are used in the Altaic languages, in structural and semantic aspects, discusses the questions related to the features of their functioning: front row (the Tungus-Manchu, Mongolian languages) and hard row (the Turkic languages) vocalization, the use of both feminine (in two mentioned groups) and masculine (in the Turkic languages) terms, qualifying character in the Tungusic and Turkic languages, the semantic constraints in the Mongolian languages, etc.; and concludes that the functioning of the term “ака” in the Mordovian-Karatai dialect of the western (Mishar) dialect of the Tatar language is similar to the Chuvash and Finno-Ugric languages, it is a feminine term, having a group nature, and it is considered as the term of the Bulgarian origin.

Key words and phrases: kinship terms; Altaic languages; Tatar dialects; qualifying term; synharmonic parallels.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов в поэзии Н. И. Тряпкина (1918-1999), поэта, лауреата Государственной премии России 1992 года, чье творчество тесно связано с традициями и корнями исконной народной культуры. Отмечая разноплановость и многогранность, различную эмоциональную наполненность и содержание созданных поэтом женских образов, следует подчеркнуть, что все они в своей основе имеют некий обобщенный идеал, единый архетип, называемый национальным характером.

Ключевые слова и фразы: женский образ; Н. И. Тряпкин; народная традиция; образ Ярославны; архетип; национальный характер; натурфилософская сверхзадача.

Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна, к. пед. н.

Рязанский институт бизнеса и управления

Rapsod@list.ru

**«СВЕТ КНЯГИНЯ». ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ЛЮБВИ
И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Н. И. ТРЯПКИНА[©]**

Отношение к женщине у поэта Н. И. Тряпкина, безусловно, в духе народной традиции, с одной стороны – возвышенно-поэтическое, нежное, трепетное, с другой – уважительно-сдержанное. И с третьей стороны – строгое и требовательное, но не по причине некоего мужского превосходства, бескомпромиссного лидерства и физической силы. Скорее, наоборот, в силу ее слабости, но слабости особой, требующей к себе повышенного внимания, заботы, любви, а также совершенно уникального места в жизни семьи, обществе и даже мироздания в целом.

Образ женщины несет в себе миротворческий и миропреобразующий смысл, призванный, если хотите, выполнять (буквально – с первых дней творения) натурфилософскую сверхзадачу. В невообразимой глубине веков ее образ смыкается с Ладой-матушкой, Богородицей, покровительницей и заступницей человечества, защищающей его своим спасительным покровом. Именно таково было место женщины в русской народной традиции, ее функция заключалась не только в материнстве, воспитании детей и заботе о сохранении очага, она становилась неким идеалом человека, вобравшим в себя все лучшие черты и качества. Не случайно устное народное творчество донесло нам этот идеал в образе прекрасной и мудрой Василисы Премудрой, Василисы Прекрасной и т.д. Она – символ душевной чистоты и целомудрия, целеустремленности и трудолюбия, стойкости и верности, поэтично называемой лебединой, то есть тех морально-этических норм, которые во все века были почитаемы и ложились в основу базовых нравственных идеалов народа. Именно так понимает Н. И. Тряпкин назначение женщины, он называет ее княжной, королевой, «красой в цветочном сарафане», «жар-птицей в злаках полевых» [4, с. 212]. Она – краля, красавица, свет-княгиня, жена-рукодельница, ведьма, колдунья, милка, краса, «моя Любава» [5, с. 30].

Поэт находит для нее оригинальные, всякий раз удивляющие своей изобретательностью эпитеты: она – *дивная, раздольная, у нее – пресветлое лицо и речной голос, нераздельная душа и журавлиные крылья бровей, лебяжья пречистая стая и звездные ресницы.*

Для него женщина – в ореоле возвышенной чистоты и красоты, она – носительница гармонии и созидательного начала, своим присутствием на земле она преобразует мир, делает его прекрасным и приглашает